

1803 год

Мне было двенадцать лет, когда я остригла волосы, переоделась мальчиком и отправилась спасать семью от неминуемого краха.

Убежать удалось до самых садовых ворот.

— Кэтрин Энн Стефенсон! — раздался рассерженный голос моей старшей сестры Элиссы и как кинжалом пригвоздил меня к месту. Сестра отворила окно спальни и заметила неладное. — Что это ты такое затеяла, скажи на милость?

Вот проклятье! Я так и застыла с заплечным мешком на спине. Да я лучше всех сумела бы спасти семью, но только старшие сестрицы этого нипочем не поймут. Если бы они только доверились мне с самого начала, я не сбегала бы сейчас под покровом ночной темноты, словно преступница.

До ворот оставалось всего несколько шагов. Если поторопиться...

— Я всё скажу папе! — прошипела Элисса.

Из спальни у нее за спиной раздались невнятные сердитые стоны — от шума проснулась моя вторая сестрица, Анджелина.

Свет не видывал такой ломаки, как Элисса. Но Анджелина — та попросту кошмар. Если они и впрямь перебудили весь дом и папа меня нагонит... Я-то задумала пойти пешком до ближайшей станции в шести милях от дома и там сесть на утренний почтовый дилижанс

до Лондона¹. Если папа нагонит меня первым, то потом неделями будет смотреть с печальным упреком, и это будет невыносимо. А мачеха будет злорадствовать насчет моего позора: «Младшая дочка — сплошное горе для семьи!»

Я стиснула зубы, повернулась и поплелась обратно к дому. Из отворенного окна спальни заструился ленивый голос Анджелины:

— Из-за чего ты там вопила?

— Я не вопила! — отрезала Элисса. — Настоящие леди никогда не вопят.

— Ты меня чуть не провела, — отозвалась Анджелина. — Я думала, в доме пожар.

Я как раз толкнула дверь черного хода, когда мой брат Чарльз зарычал:

— Вы уйметесь или нет? Тут кое-кто пытается спать!

— Что? Что такое? — раздался из спальни взрослых голос отца. — Что происходит?

Его перекрыл голос мачехи:

— Джордж, ради всего святого, вели им умолкнуть! Время уже за полночь. Ты их распустил, они себя ведут как сорванцы, прояви в кои-то веки строгость!

Я со стоном закрыла за собой дверь.

Нравилось мне это или нет, а я вернулась домой.

Протиснувшись сквозь тесную кухоньку, я на цыпочках прокралась по скрипучей лестнице на второй этаж. Когда я была маленькой и в доме всё еще витал мамин дух, то ступеньки всегда пели под ногами, называли мое имя и заботились, чтобы я не споткнулась. А теперь они

¹ В 1803 году железных дорог в Англии еще не существовало, поэтому путешествовали в конных экипажах. В них же доставляли и почту из города в город, но нередко почтовые кареты-дилижансы брали пассажиров.

только скрипели — предательски скрипели разошедшимся деревом.

Я как раз дошла до первой площадки между лестничными пролетами, когда дверь в спальню отца и мачехи распахнулась.

— Кэт? — папа, прищурившись, всматривался в темноту. Он поднял свечу повыше. — Что случилось?

— Ничего, папа, — ответила я. — Просто спустилась в кухню попить молока.

— Ах вот оно что... Кхм-кхм, — кашлянув, он поправил свой поношенный ночной колпак. — Твоя маман, кхм-кхм, совершенно права. В такое время вам всем полагается лежать в постели.

— Да, папа. — Я подтянула заплечный мешок — он был увесистый и сползал. — Я как раз иду в постель.

— Прекрасно, прекрасно, а остальные?

— Я им скажу, чтобы уgomонились, — пообещала я. — Не тревожься.

— Хорошая девочка. — Папа погладил меня по плечу. Потом поднял свечу еще повыше и озадаченно нахмурился. — Что такое, моя дорогая?

— Ты о чем, папа?

— Я не хотел бы тебя критиковать, но, кхм, твой наряд... несколько необычен.

Я оглядела свои мальчишеские бриджи, рубашку и куртку.

— В ночной рубашке холодно, — объяснила я.

Папа присмотрелся тщательнее.

— Однако... у тебя и с прической что-то не так, не пойму, что...

Его прервал голос мачехи:

— Джордж, ты не мог бы закончить беседу и вернуться в постель? Мне не заснуть в таком тарараме!

— Ах да... Конечно. Да, я сейчас. — Папа торопливо кивнул и отвернулся от меня. — Спокойной ночи, Кэт.

— И тебе, папа.

Я на цыпочках преодолела последние пять ступенек на второй этаж. Двери в комнаты Чарльза и сестриц были затворены. Если мне очень-очень повезет...

Я метнулась к лесенке, которая вела ко мне на чердак. Нет, не повезло. Дверь сестер распахнулась.

— Немедленно поди сюда! — велела Элисса. В темноте я не видела ее лица, но я была уверена, что она сурово сложила руки на груди.

Силы небесные, что будет...

— Настоящие леди не держат руки, как простые торговки, — прошептала я, слово в слово повторяя одно из любимых назиданий Элиссы, и вошла в комнату. Элисса захлопнула за мной дверь.

— Зажги свет, Анджелина, — приказала она. — Я хочу видеть ее лицо.

Анджелина уже чиркала огнивом. Когда свеча наконец загорелась, сестры увидели меня и громко ахнули.

Я сложила руки на груди и воззрилась на сестриц так же свирепо, как они на меня.

— Ты... ты... — Элисса едва не утратила дар речи. Она рухнула на свой край постели и прижала изящную ручку к сердцу.

Анджелина только усмехнулась и покачала головой.

— Ну, теперь всему крышка, — сказала она.

— Что за вульгарный жаргон, прекрати, — одернула ее Элисса.

Похоже, возможность сделать замечание сестрице немного взбодрила ее: на побелевшем было лице вновь заиграл румянец. Элисса белокура, и личико у нее от природы бледное, так что по нему всегда понятно, в каком

сестрица настроении. Сейчас видно было — она в ужасе. Никогда не видела ее белой как снег. Элисса глубоко вдохнула.

— Кэтрин, — сказала она, и голос ее почти не дрожал. — Тебя не затруднит объяснить нам, что ты натворила?

— Затруднит, — ответила я. — Ничего объяснять не буду. — И задрала подбородок, чтобы казаться выше. Ростом я ниже обеих сестер, а в таких вот перепалках быть коротышкой ужасно некстати.

— Да что тут объяснять? — вмешалась Анджелина. — Всё и так ясно как день. Кэт наконец решила сбежать и поступить в цирк — ей там самое место.

— Вовсе нет!

— Нет? Не там? — Пухлые губки Анджелины сложились в усмешку. — Уж не знаю, куда ты еще надеялась попасть с такой причесочкой. Наверно, если тебя спрятать за всеми учеными зверями...

— Замолкни! — И я кинулась на нее через всю комнату. Нас разделяла кровать, на которой сестрицы спали вдвоем. Я ушибла об нее колени, потом отшвырнула заплечный мешок и поползла через кровать, чтобы вцепиться в Анджелину. Та заливалась издевательским хохотом, и в глазах у меня помутилось от ярости. Наконец я добралась до сестры, и принялась лупить ее куда попало, и не остановилась, даже когда она опрокинула меня на кровать и обхватила согнутой рукой за шею, едва не придушив.

— Перестаньте! — взвизгнула Элисса.

В стену грохнуло что-то тяжелое: это Чарльз за стеной возмутился, что его сон потревожили. Скрипнула дверь спальни взрослых. Раздались шаги — ближе, ближе. В дверь властно постучали.

— Добилась своего, довольна? — прошипела мне в ухо Анджелина.

— Дура набитая, — ответила я тоже шепотом.

— Что у вас творится? — спросила мачеха через дверь.

Анджелина спихнула меня с кровати на пол. Только я попыталась встать, как она положила пятерню на мою недавно остриженную голову и с силой толкнула меня обратно.

— Сиди тихо! Она не должна тебя увидеть. — Анджелина повернулась к Элиссе. — А ты попытайся от нее отделаться.

Элисса уже направлялась к двери — личико спокойное, вылитый ангелочек.

— Иду, иду, маман, — отозвалась она. — Одну минуточку. — У самой двери она спохватилась и шепнула: — Быстро тушите свет!

Анджелина поспешно задула свечу, плюхнулась на постель и натянула одеяло до самого подбородка.

Я съежилась в темноте на полу, а Элисса открыла дверь.

— Что у вас происходит?

— Ах, простите за шум, маман, — промурлыкала Элисса. — Анджелина испугалась и упала с кровати.

— Вы подняли такой визг! — голос мачехи прозвучал ближе. Я не видела ее, но представляла, что она делает: сунула свой острый нос в комнату и вынюхивает, не устроили ли падчерицы какую-нибудь проказу. Она вечно выискивала, в чем нас обвинить, чтобы доказать папе, какие мы скверные и неисправимые. Такие же, как наша покойная мать.

— Анджелине приснился кошмарный сон, — объяснила Элисса, и я поразилась, как ловко и убедительно умеет врать этот ангелочек, когда надо.

— Может быть, мне войти и проведать ее? — произнесла мачеха.

— О-о-о-о... Ох.... — простонала Анджелина из-под одеяла. Она-то врала запросто и виртуозно, ей и повода не требовалось. — Ой-ой-ой, живот болит...

Мачеха со вздохом шагнула вперед.

— Если тебе дурно, мне лучше...

— Мне уже было дурно, — отозвалась Анджелина. — По всему полу.

— Вот как! — мачеха застыла как вкопанная. — Где же?

— Ступайте осторожно и смотрите под ноги, маман, — заботливо проворковала Элисса. — Я еще не успела как следует прибраться, и поэтому...

Мачеха проворно отпрыгнула к дверям.

— Что ж... — сказала она. — Уверена, тебе станет лучше, когда ты как следует выпишься, Анджелина. Только смотрите мне, девочки, сначала приберите тут. И чтобы больше никакого шума!

Дверь закрылась, звук шагов затих. Я не шелохнулась, пока не убедилась, что мачеха ушла к себе. Когда я наконец осмелилась пошевелиться, рука моя скользнула по паркету и наткнулась на две книги, спрятанные под кроватью, — удивительно знакомые даже на ощупь.

Я узнала их. Они не должны были тут лежать. Они должны были храниться под замком, подальше, вместе с остальными памятными вещами, оставшимися от мамы, чтобы, как надеялись папа и мачеха, они исчезли из нашей памяти навсегда. Вместе с самой мамой.

Я подвинула книги к себе, но замерла. Сейчас не время задавать сестрам такие вопросы.

— Уф... — Я встала и потянулась, потому что всё тело затекло. Анджелина вновь зажгла свечу. — Ну, я лучше пойду спать, как велела мачеха, так что...

— И не думай, — отрезала Анджелина. Стремительным броском она ухватила меня за шиворот и пригвоздила к краю кровати. — Развяжи ее мешок, Элисса. Посмотри, что наша Кэти собиралась утащить с собой.

— Я не воровка, — пробурчала я.

Анджелина одарила меня взглядом, полным презрительного удивления.

— Я и не считала тебя воровкой, нюня. Просто полюбываешь, какую провизию ты сообразила взять с собой в дорогу.

— В дорогу? — Элисса так и ахнула. — Какую еще дорогу?

— Господи боже ты мой, — сказала Анджелина, — а что она, по-твоему, затеяла, если переоделась мальчиком, остриглась и тайком вышла из дома глубокой ночью? Она собиралась сбежать, верно, Кэт?

Я скрипнула зубами и промолчала. Хватка у Анджелины была крепкая — не вырвешься.

— Не может быть... почему... — Элисса рухнула на постель. — С какой стати тебе взбрело в голову бежать из дома? Как ты вообще посмела такое задумать?

— У меня не было выбора, — процедила я, не выдержав. — Как еще мне удержать тебя от глупостей?

— Меня? — недоуменно переспросила Элисса.

— Если ты сейчас пытаешься задурить нам голову своими очередными рассказами... — начала Анджелина.

Я сердито обернулась к ней.

— И тебя тоже. Потому что ты позволишь ей натворить глупости.

— Какие еще? О чем она? — спросила Элисса.

— Я слышала слова мачехи! — сообщила я. — Она хвасталась папе — прямо раздувалась от гордости. Похвалялась, какая она умная и как ловко умудрилась спасти

семью, сбыв тебя замуж за какого-то ужасного старикана. А ты мне даже не сказала! Вы обе никогда ничего мне не рассказываете! И я знала — если бы я попыталась с тобой поспорить, ты бы и слушать не стала, так что...

— Силы небесные, — сказала Анджелина. — Я так и думала: если она пронюхает...

— Во всяком случае, я решила принять хоть какие-то меры, — резко ответила я. — А ты бы просто преспокойно разрешила Элиссе пожертвовать собой.

— Но что именно ты намеревалась предпринять? — спросила Анджелина. — Вырядилась как мартышка, ну а дальше?

— Я собиралась ехать в Лондон, — ответила я. — Знала: если сбегу из дома, скандалище разразится такой, что мачехе не удастся продать Элизу. Ну а в Лондоне... — Я прикрыла глаза, чтобы не видеть насмешливое лицо сестры, и передо мной возникла моя мечта. — В Лондоне для мальчика найдется тысяча занятий — выбирай любое, работай кем хочешь. Можно наняться юнгой на корабль, поплыть в Индию и там разбогатеть. Можно поступить в газету наборщиком, повидать весь Лондон. Главное — найти работу, настоящую работу, заработать деньги, и тогда я смогу отсылать часть заработка домой вам, и у вас обеих накопится настоящее приданое, а уж тогда...

— Ах ты моя малышка-глупышка, — со всхлипом сказала Элисса. — Поди сюда, Кэти.

Анджелина выпустила меня, и я переползла по одеялу к Элиссе, а та обвила меня теплыми руками, прижала к себе, и я почувствовала, как мне на стриженую голову закапали слезы. — Обещай, что никогда больше не затеешь такую немислимую и ненужную дикость!

— Но... — попыталась возразить я, уткнувшись носом в ее ночную сорочку.

У меня за спиной подала голос Анджелина:

— Дурочка! Как ты думаешь, сколько бы ты продержалась в Лондоне сама по себе? И кто, по-твоему, принял бы тебя на службу — если ты неизвестно кто из провинции, без единой рекомендации, ничего не знаешь и не умеешь и слова за тебя замолвить некому?

— Я умею! — возразила я.

— Ты умеешь совсем не то, ради чего нанимают мальчиков, — неумолимо продолжала сестра. — А когда выяснится, что ты и не мальчик никакой...

Элисса вздрогнула и обняла меня покрепче.

— Страшно подумать, какие беды тебе бы грозили! — воскликнула она.

— Они бы ей не *грозили*, — поправила Анджелина. — Она бы угодила в них по самую макушку.

— Я бы сумела за себя постоять, — сказала я. — Чарльз учил меня боксу и фехтованию — в прошлом году, когда его выгнали из Оксфорда за дурное поведение.

— Чарльз дурак, — ответила Анджелина, — и я не удивлюсь, если он боксирует и фехтует в два раза хуже, чем хвастается.

С минуту-другую мы трое подавленно молчали, переваривая правду.

Элисса вздохнула.

— Словом, моя милая, тебе незачем меня спасать.

— А кто тебя спасет, если не я? — Я вывернулась из ее объятий. — Не позволю тебе вот так продаваться, чтобы мачеха накупила нам всем по десятку платьев для лондонских балов и прочего и...

— ...и избавила брата от долговой тюрьмы, — спокойно добавила Анджелина.

Я фыркнула.

— Я думала, ты достаточно умна, чтобы не верить ее жалобам. Мачеха просто в истерике насчет...

— Это правда, — вмешалась Элисса. — Я собственными глазами видела доказательства. Папа заложил всё, что мог, лишь бы расплатиться с огромными карточными долгами Чарльза, но денег не хватило. Если мы не соберем недостающую сумму за два месяца, бедняжка Чарльз угодит в долговую тюрьму.

— Бедняжка Чарльз, фу-ты ну-ты, — передразнила Анджелина. — И получит по заслугам, ему в тюрьме самое место.

Я посмотрела на Элиссу.

— Но неужели...

— Если Чарльз попадет в долговую тюрьму, нам конец, всем троим, — сказала та. — Никто из нас не получит достойного предложения руки и сердца. Ты ведь знаешь, у нашей семьи и так уже репутация... — Она прикусила губу.

— Знаю, — кивнула я. Мачеха только и делала, что напоминала нам об этом при каждом удобном случае, едва мы забывали. Как бы примерно мы себя ни вели и каково бы ни было наше приданое, многие в обществе смотрели на нас презрительно — а всё из-за нашей мамы. Вот поэтому я давно уже решила не стараться вести себя примерно.

— Но долги Чарльза — еще не причина насильно выдавать тебя за старика! Кто бы он ни был.

— Он — сэр Невилль Коллингвуд, — объяснила Анджелина. — Один из богатейших людей в Англии. Теперь тебе понятно, почему мачеха его выбрала?

— И не так уж он и стар, Кэти, — добавила Элисса и устала на свои стиснутые руки. — Мне кажется, ему не больше сорока и...